

ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ КОМПРОМИССА В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

© 2008 г. А. Х. Миндагулов¹

1. Интенсивный поиск путей сдерживания преступности идет по многим направлениям. Важнейшим из них является совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства. Если закон не отражает реальных закономерностей протекания общественных процессов, его эффективность ничтожна. “Ничтожность, – как утверждал Гегель, – состоит в том, что право снято как право”². Следовательно, закон как выражение права, хотя формально и существует, но не работает, и в этом смысле является ничтожным.

Ничтожность закона может обнаруживаться в ситуациях, когда: а) вред, нанесенный преступными действиями, не пресекается из-за недостаточности доказательств либо из-за необоснованного признания действий малозначительными; б) правомерные действия лица, связанные с необходимой обороной или состоянием крайней необходимости, квалифицируются как преступления из-за преднамеренно ложного либо ошибочного толкования их как превышение пределов; в) происходит криминализация деяний, не представляющих общественной опасности, либо наоборот, когда декриминализируются некоторые общественно опасные деяния; г) ответственность за рост преступности возлагается на правоохранительные органы и последние во избежание наказаний предпринимают шаги для сокрытия части ее от учета (проблема так называемой искусственной латентности) и т.д. В связи с этим становится все более очевидным, что разрыв между теорией и практикой правоохранительной деятельности, между уголовной политикой и законотворчеством, несоответствие современной концепции уголовного и уголовно-процессуального законодательства требованиям неотвратимости наказания с учетом личности правонарушителя и ситуации совершения преступления приводит не к смягчению, а ужесточению конфликтов криминального характера.

2. Особую сложность для совершенствования уголовного законодательства, для развития теории и практики правоохранительной деятельности представляют преступления длящегося, серийного, множественного характера, связанные с захватом заложников, похищением и пытками людей, сокрытием нелегальных доходов, налоговыми злоупотреблениями, совершением или угрозой совершения взрывов, пожаров и других террористических актов. Нередко прекращение преступлений подобного рода или их продолжение зависит от реакции властей, т.е. реальных шагов правоохранительных органов, их конкретных действий (либо полного бездействия); от достоверно-

сти и объема информации о совершенных преступлениях; от оперативности, законности и обоснованности принимаемых мер. При выявлении таких преступлений реакция не всегда и не во всех случаях, к сожалению, может строиться по известной и в целом вполне оправданной по отношению к преступности схеме: “власть и подчинение”. Она может оказаться провальной из-за невозможности не только своевременного обнаружения и задержания преступников, но и выдвижения ими таких условий для прекращения преступных действий, которые не могут быть выполнены по соображениям реальности наступления более тяжелых общественно опасных последствий.

Кроме того, есть преступления экстремистской и мафиозной, организованной и профессиональной направленности, с неясными очертаниями их начала и завершения, когда общение с преступниками (будем называть вещи своими именами), диалоги и переговоры с ними только и могут предотвратить нежелательное развитие событий и создать необходимые условия для их задержания и изобличения. Нередко даже на стадии судебного разбирательства из-за недостаточности улик, усложненности процессуальных правил именно переговоры между сторонами защиты и обвинения могут сдвинуть с мертвой точки ход следствия. В этой связи идея допустимости компромисса в борьбе с преступностью становится единственным выходом из практически патовой ситуации. Компромисс позволяет расширить границы воздействия на комплекс факторов, приводящих к нарушению уголовного закона.

3. Дело еще и в том, что понимать под компромиссом. Если нарушен уголовный закон и совершено серьезное преступление, то о каком компромиссе может идти речь? Насколько в принципе допустимо говорить о компромиссе применительно к преступности, если компромисс по определению означает достижение согласия путем взаимных уступок? Соглашая на что? Какие могут быть уступки человеку, совершившему преступление? Не случайно в многочисленной справочной юридической литературе (словарях, энциклопедиях, учебных и методических пособиях) не встречается слово “компромисс”. Нет пока такого юридического понятия. Принципиально он невозможен был во времена “бескомпромиссности борьбы с преступностью”, “ликвидации всех ее корней”, “устранения социальных причин” всех негативных явлений и процессов, питающих преступность с целью построения “светлого социалистического общества”.

Однако времена изменились. Изменились взгляды на преступность и преступное поведение. Она (преступность) является производной многих величин экономического, социального и политического порядка.

¹ Доктор юридических наук, профессор.

² Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 143.

Следует подчеркнуть, что преступность не может исчезнуть в одночасье, но может видоизменяться, обретая иные черты и свойства, меняя структуру и динамику в зависимости от того, какие процессы кризисного и конфликтного характера происходят в обществе. С ростом социального напряжения, обострением противоречий растет и преступность. В.В. Лунеев обращает внимание на то, что во многих странах происходит постепенный социально-психологический процесс **привыкания** населения к растущей преступности, к ее относительно новым формам проявления: террористической, коррупционной, организованной, профессиональной³. Привыкание порождает безысходность и неверие в возможность успешной борьбы с преступностью. Поэтому сегодня так необходим поиск новых путей борьбы с преступностью, совершенствование уголовного законодательства.

4. Впервые идею допустимости компромисса в борьбе с преступностью на постсоветском пространстве выдвинул и обосновал Х.Д. Аликперов⁴. Правда, у него есть существенная особенность в подходе к этой проблеме. Он говорит не о компромиссе как таковом, а рассуждает о нормах уголовного законодательства, допускающих компромисс. «В отличие от англо-американской системы судопроизводства, — пишет Х.Д. Аликперов, — где на уровне правоприменителя широко практикуется использование сделки с виновным в обмен на признание им своей вины, которая, однако, не урегулирована непосредственно в законе, мы считаем возможным допустимость предлагаемого компромисса только в тех пределах и на тех условиях, которые предварительно урегулированы на уровне законодателя и выражены в конкретных уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных нормах»⁵.

В понимании Х.Д. Аликперова, компромисс возможен только на основе твердо установленных законодательных норм. Спрашивается, какой же это компромисс, если условия заранее устанавливает сам законодатель? Воля законодателя, выраженная в общеобязательных нормах поведения, не допускает какого-либо компромисса. На наш взгляд, компромисс изначально предполагает сделку договаривающихся сторон путем взаимных уступок. Более того, нередко условия диктует преступник, угрожая, к примеру, убить заложников, если его требования не будут выполнены, и представитель власти вынужден идти на определенные уступки, чтобы предотвратить зло. По мнению Х.Д. Аликперова, компромисс допускается путем установления норм, «в которых лицу, совершившему преступление, гарантируется освобождение от уголовной ответственности или смягчение наказания в обмен на совершение таким лицом поступков, определенных в законе и обеспечивающих реализацию основных задач уголовно-правовой борьбы с преступностью»⁶.

³ См.: Лунеев В.В. Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Гос. и право. 2004. № 1. С. 7.

⁴ См.: Аликперов Х.Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992; Его же. Проблемы допустимости компромисса в борьбе с преступностью. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1992.

⁵ Аликперов Х.Д. Указ. соч. С. 176.

⁶ Там же. С. 65.

На наш взгляд, это разновидность поощрительных норм, несмотря на все старания автора разграничить нормы, допускающие компромисс, от поощрительных норм. Компромисс, о котором говорит Х.Д. Аликперов, это не итог переговоров с преступниками, это не следствие каких-то им уступок. Когда происходит пересмотр законодателем некоторых ранее установленных принципов уголовно-правовой политики, внесение изменений в концепцию борьбы с преступностью, расширение либо сужение сферы применения уголовного закона и т.д., можно тоже с определенной долей условности говорить о компромиссе, но это компромисс иного рода. Можно говорить о компромиссе с самим собой (сделка с совестью), можно говорить о компромиссе со своими оппонентами, политическими противниками и т.д. Откровенно говоря, вся уголовно-правовая политика строится на основе достижения компромисса между различными общественными движениями, политическими партиями, их запросами. Не будет преувеличением сказать, что любой принятый закон — это результат достигнутого компромисса.

5. Компромисс в уголовно-правовой политике кардинально отличается от компромисса в сфере непосредственной борьбы с преступностью. Если в уголовно-правовой политике компромисс достигается на основе изучения общественных запросов, обмена мнениями между различными политическими партиями и движениями, то компромисс с преступниками достигается путем ведения с ними переговоров и выполнения некоторых их требований. В уголовно-правовой политике компромисс есть признание справедливости требований оппонентов, это согласование интересов всех участников «круглого стола», что достигается, как правило, бесконфликтно. Компромисс же с преступниками — мера вынужденная, обусловленная необходимостью предотвратить зло. В уголовно-правовой политике компромисс — это своего рода «перемирие» и одновременно примирение (пусть и временное) с создавшейся ситуацией, это выигрыш во времени и способ предотвращения каких-либо катастроф, поскольку противоречия между правоохранительными органами, представляющими общество и государство, и преступниками непримиримы. В то время как в уголовно-правовой политике компромисс достигается во имя совершенствования уголовного законодательства, выполнение же требований преступников всегда идет в разрез с действующим законодательством.

6. Как уже было сказано, до настоящего времени установившегося правового понятия компромисса пока не существует. Однако, помимо Х.Д. Аликперова, в отечественной юридической литературе, а также в научных публикациях начала 90-х годов прошлого столетия появились и другие работы по этой проблематике. Ученые У.С. Джекебаев и В.П. Илларионов поддержали идею заключения сделки между обвинителем и обвиняемым о признании последним своей вины (*the plea bargaining*) — своеобразный компромисс, широко применяемый в практике американских судов. Суть этой концепции заключается в том, что признание преступником своей вины сразу упрощает, ускоряет и удешевляет судебное производство. Скупое исследование доказательств вины уже не производит

ся⁷. Еще до судебных слушаний между обвинителем и обвиняемым достигается определенное соглашение, в соответствии с которым обвинитель обещает принять усилия по смягчению приговора, если обвиняемый признает свою вину в инкриминируемых ему деяниях.

Чем объясняется столь неприкрытая сделка с правосудием, аморальность которой совершенно очевидна? Объясняется она все той же американской прагматичностью. Всем известна сложность и дороговизна судебных процедур не только американской юстиции, но и юстиции других стран, в том числе и Казахстана. Но только американцы догадались упростить и удешевить их своеобразным способом. Если строго придерживаться необходимых процессуальных требований к анализу и оценке доказательств, то процесс расследования преступлений и судебное разбирательство по нему могут затянуться до бесконечности и обернуться большими финансовыми издержками. Да к тому же не известно, понесет ли преступник справедливое возмездие. Сторона защиты, как показывает опыт, блестяще используя процессуальные тонкости, нередко добивается либо спасительного затягивания судебного разбирательства, либо оправдания подсудимого за недоказанностью совершения преступления.

Американцы не видят ничего аморального и противозаконного в сделках о признании вины, рассматривают такие сделки как разумное решение вопросов правосудия, в котором в выигрыше обе стороны. Суд ограничивается выслушиванием показаний подсудимого без скрупулезного анализа доказательств его вины. А подсудимый за свое признание получает более мягкое наказание. Как тут не вспомнить известное положение, сформулированное А.Я. Вышинским, что признание обвиняемого есть царица доказательств. Тем не менее, американская юстиция во многом преуспела, широко используя правило *the plea bargaining*, при котором практически исключается прение сторон, отпадает необходимость участия в процессе присяжных заседателей, подсудимый заранее согласен с приговором и, что особенно важно, достигается экономия времени и финансовых средств, которые всегда ограничены даже у самых богатых. В американских городах до 90% уголовных дел рассматриваются в судах на основании сделки о признании вины⁸.

7. Совершенно очевидно, что сделка о признании вины – это уступка со стороны правосудия требованиям преступников о смягчении наказания. Чаще всего цена этой сделки – экономия средств и времени. Но кто подсчитал, какой ценой эта сделка обернется против правосудия. Достаточно создать прецедент, и тогда правосудие превратится в обычный торг со всеми вытекающими отсюда последствиями. По признанию самих американцев, ни одна из судебных практик не вызывает большего возмущения общественности, чем

предложение уступок обвиняемым, сделавшим заявление о признании своей вины. Секретные переговоры, в результате которых обвиняемым инкриминируется меньшая тяжесть вины и они получают более мягкий приговор, никоим образом не отвечают интересам правосудия и потерпевших⁹. Ее непопулярность в глазах общественности заставила запретить или ограничить эту практику в ряде юрисдикций¹⁰. Так что этот американский опыт вряд ли стоит перенимать безоговорочно. Компромисс при всей его привлекательности все же несет одному из его участников – государству серьезные неприятности. Достижение соглашения означает, что ни правосудие, ни правоохранительные органы не обладают всей полнотой власти. Становится более очевидной, что эта слабость легко угадывается противоположной стороной, и она пытается воспользоваться этой слабостью.

8. Сделка о признании вины на стадии судебного разбирательства является далеко не единственным способом компромисса с преступниками. Существуют множество других форм и способов достижения соглашения с преступниками о прекращении ими преступной деятельности. Сошлемся, к примеру, на практику оперативно-розыскной деятельности. Там довольно часто возникает ситуация, при которой вступление в переговоры с преступниками является единственно возможным способом предотвращения последствий уже совершенного преступления или совершения новых преступлений. Начало переговоров с преступниками означает готовность представителей правоохранительных органов идти на определенные уступки во избежание большего зла.

Классическим примером такого компромисса можно считать случай, описанный Л.Шейниным в рассказе “Брегет Эдуарда Эррио”. В 20-е годы прошлого столетия будущий премьер-министр Франции был гостем Советского Союза. В Ленинграде во время осмотра достопримечательностей Эрмитажа у него выкрали дорогие карманные часы. Но еще до завершения его визита по прошествии трех дней во время другого мероприятия часы были незаметно вложены гостю в тот же карман, откуда были выкрадены. Дипломатический скандал был предотвращен. Это – пример высокой профессиональной работы не только карманных воров, но и сыщиков Ленинграда, сумевших в течение короткого времени вступить в переговоры с преступниками и заставить их вернуть краденое.

Аналогичный случай произошел в конце 60-х годов в Казахстане в Алма-Ате. Накануне сессии депутат Верховного Совета Республики стал жертвой карманного вора. В бумажнике (помимо денег) была депутатская книжка, без которой он не мог попасть на сессию. Назревал политический скандал. До начала сессии оставалось менее суток. Карманнику был предъявлен ультиматум: если до утра депутатская книжка не будет возвращена потерпевшему, все они будут выдворены без суда и следствия за пределы города. Угроза была вполне реальной, и она подействовала, бумажник с депутатской книжкой, но без денег, был подброшен в условленное место. В обоих приведенных приме-

⁷ Джекебаев У.С. Основные принципы уголовного права Республики Казахстан (Сравнительный комментарий к книге Дж. Флетчера и А.В. Наумова “Основные концепции современного уголовного права”). Алматы, 2001. С. 53, 160; Илларионов В.П. Правовые, организационные, оперативно-тактические основы ведения переговоров с преступниками в целях предупреждения, раскрытия и расследования преступлений. Автореф. дисс. ... доктора юрид. наук. М., 1995. С. 18.

⁸ См.: Илларионов В.П. Указ. соч., с. 18.

⁹ См.: Криминология / Под ред. Дж.Ф. Шелли / Пер. с англ. СПб., 2003. С. 512.

¹⁰ См.: там же. С. 515.

рах компромисс, безусловно, был достигнут, но ценой намеренного сокрытия совершенных преступлений.

9. Возникает вопрос, всегда ли компромисс связан с некоторым отступлением от закона, нарушением запретительных норм? Или возможны ситуации, когда компромисс допускается в рамках законности, соблюдения прав человека? Если компромисс представляет собой соглашение сторон путем взаимных уступок, то можно считать что в рассказе Л. Шейнина в качестве условия возврата потерпевшему краденых часов было признание того, что преступления как бы и не было. Уголовное дело по факту кражи брегета у гражданина Франции Э. Эррио не возбуждалось. То же условие было соблюдено в случае с депутатом. Следует констатировать, что в исключительных ситуациях действие уголовного закона может вступать в противоречие с более значимыми социальными ценностями. Думается, поэтому древняя формула юристов: *dura lex, sed lex* – закон суров, но это закон – не может быть признана универсальной, поскольку в природе и обществе нет правил без исключения.

10. Если мир соткан из противоречий, то компромисс просто неизбежен при их разрешении. Очень часто стремительное развитие событий, ведущих к катастрофе, может быть предотвращено только на основе компромисса. Но опять же его нельзя возводить в абсолют. В противном случае низвергаются такие ценности и научные категории, как власть, законность, воля, авторитет, принципы и т.д. По большому счету они не могут быть предметом торга, компромисса, спекуляций. Строго формально компромисс невозможен с лицами, совершившими преступления. Тяжесть преступления должна быть уравнена по справедливости соответствующим видом наказания. Но зачастую путь от преступления до наказания бывает чрезвычайно сложным и непредсказуемым. Необходимо не просто доказать факт совершения преступления, но в процессе расследования не допустить совершения новых преступлений. Не всегда опасного преступника удастся своевременно обнаружить, задержать, изобличить и изолировать. Оставаясь на свободе, он подает сигналы, что если выдвигаемые им условия не будут выполнены, он полон решимости совершить новые преступления с более угрожающими последствиями. Оценив реальность подобных угроз, остается единственный путь – вступить с опасным преступником в переговоры, выслушать его требования и выставить собственные. Такова общая схема начала диалога с такими лицами.

11. Диалог с преступниками, вступление с ними в переговоры еще не означает готовность идти на компромисс. Эти шаги первоначально вызываются стремлением выяснить намерения преступников, реальностью их угроз, местонахождением, вооруженностью, общей оценкой возникшей ситуации и т.д. Если в результате переговоров выяснится, что преступники шантажируют, что их дальнейшие действия не представляют угрозы для правопорядка, диалог прекращается, и принимаются меры для их задержания. Во всех остальных случаях переговоры продолжаются, и они должны привести к некоему компромиссу, который призван предотвратить еще большее зло, ибо альтернативой переговорам сможет быть только одно – совершение новых, еще более опасных преступлений.

Печальным примером тому может служить дело семьи Овечкиных. Тогда 8 марта 1988 г. из-за отказа выполнить их требования – лететь захваченному ими пассажирскому самолету за пределы Советского Союза, террористы привели в действие свою угрозу – взорвали лайнер. При этом несколько пассажиров погибло, многие получили телесные повреждения, был нанесен огромный материальный ущерб государству и оставшимся в живых пассажирам. Противоположным примером грамотных действий правоохранительных органов был случай с захватом заложников бандой Яхшиянца. 1 декабря 1988 г. его группа в городе Орджоникидзе (ныне – Владикавказ) захватила в качестве заложников 30 школьников и их учительницу. В качестве условия освобождения заложников было выдвинуто требование предоставить самолет для вылета за границу, а также автоматы с боеприпасами, несколько миллионов долларов, наркотики и другие материальные ценности. Все требования террористов были выполнены, заложники освобождены, самолет вылетел за пределы Советского Союза. Израиль, куда приземлился самолет, в соответствии с действующими международными соглашениями в течение суток выдал преступников Советскому Союзу. Самолет, валюта, оружие, наркотики и другие материальные ценности были возвращены СССР¹¹.

12. Переговоры с преступниками и достижение с ними компромисса – меры чрезвычайные, вынужденные, экстраординарные. Вот почему поиск компромисса вовсе не означает признание справедливости требований другой стороны. Эта акция может быть объяснена уголовно-правовым состоянием крайней необходимости в том смысле, что переговоры ведутся с целью предотвращения большого зла, прекращения опасных для окружающих действий путем удовлетворения требований преступников в разумных пределах. На первый взгляд, действия, вызываемые крайней необходимостью, выглядят общественно опасными, а потому уголовно наказуемыми. На деле же они полезны и необходимы с точки зрения защиты более значимых для общества ценностей¹². Понятно, что беспрекословное выполнение требований террористов, к примеру, об освобождении из тюрем преступников, выдаче больших сумм денег, наркотиков, оружия и т.д. и т.п. само по себе безотносительно к возникшей ситуации является преступлением. Если выяснится, что грозящая опасность была мнимой, кажущейся, не отражающей реальную обстановку, действия лиц, вступивших в переговоры с преступниками и выполнивших их требования, будут квалифицированы соответствующим образом, и они будут привлечены к уголовной ответственности.

13. Реальность и неустранимость грозящей опасности является основным критерием состояния крайней необходимости, требующей вступить в переговоры с преступниками. Как меры вынужденные, переговоры призваны решать задачи тактические, обусловленные стремлением обеспечить безопасность более значимых для человека и общества ценностей и объектов

¹¹ См.: Аликперов Х.Д. Указ. соч. С. 29.

¹² См.: Портнов И.П. Крайняя необходимость в свете нового уголовного законодательства // Журнал рос. права. 1998. № 4-5. С. 99-105.

окружающего мира, пусть и ценой определенных уступок и потерь.

Итак, компромиссу как итоговой договоренности противостоящих сторон предшествует диалог с преступниками, переговоры с ними об условиях выполнения их требований. Переговоры широко применяются не только в оперативно-розыскной деятельности. В частности, речь может идти о начале переговорного процесса при совершении таких преступлений, которые связаны с высокой степенью общественной опас-

ности, с большим числом человеческих жертв, с угрозами уничтожения уникальных памятников культуры и архитектуры и других материальных ценностей, производства и использования оружия массового поражения и т.п. Практически исключается возможность дать полный перечень совершенных или готовящихся преступлений, по которым нельзя было бы вступить в переговоры с преступниками и добиться компромисса, чтобы предотвратить еще больший вред.